

УДК 94(47).048

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-14-33

**ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НЕРЧИНСКОГО УЕЗДА В 1660–1670-Е ГГ.:
К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ
ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ**

Багрин Е. А.

*Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: egor-bagrin@yandex.ru*

На основе неопубликованных и опубликованных источников, в статье рассматривается гарнизон Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг. XVII века. В этот период в Даурии происходило становление военной силы России, оборонявшей ее юго-восточные границы. Военные силы, располагавшиеся здесь, были слишком малочисленны, чтобы эффективно противостоять войскам соседей – монгольских правителей и Цинской империи. Пополнение штата гарнизона Нерчинска происходило медленными темпами, в то же время, даурские военные силы не могли быть усилены за счет перевода в Забайкалье и Приамурье войск из других мест. Свободный военный контингент из западносибирских городов был отвлечен на противодействие кочевникам в Южной Сибири. В Якутском уезде не хватало ратников для «усмирения немирных иноземцев», а в Енисейске и Илимске большинство служилых людей находилась на различных «государевых службах» и не могло быть направлено в Даурию. Правительство, не имея возможности усилить юго-восточную границу людьми, проводило политику избегания конфликтов с соседями, в то же время, отправляя в регион запасы оружия и боеприпасов на случай военной опасности. В статье приводится список состава Нерчинского гарнизона в 1675–1677 г.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, история, Сибирь, Забайкалье, Даурия, Нерчинск, XVII век

В 1660–1670-гг. происходило становление военной силы России в Забайкалье и Приамурье. В это же время стало ясно, что этот регион в любой момент может стать ареной конфликта с сильными соседями: Цинской империей и монгольскими правителями. Однако Россия не смогла в полной мере использовать «мирные» десятилетия для подготовки к отражению возможной агрессии и во время боевых действий в 1685–1689 гг. потеряла значительные территории в Приамурье. Одной из главных причин этой неудачи было то, что численность войск, размещенных в Даурии, была недостаточной для ведения масштабной войны, а система оказания военной помощи юго-восточным рубежам была неэффективной. В данном исследовании мы обратимся к причинам кризиса обороноспособности Восточного Забайкалья (Нерчинского уезда).

Вооруженные силы Нерчинского уезда. Служилые люди Нерчинского уезда распределялись в основных укрепленных пунктах: Нерчинске и Теленбинске¹. Военная сила Нерчинска в 1660–1670-е гг. складывалась из нескольких составляющих. Ее основой были окладные служилые люди: дети боярские и казаки, а также, их дети, братья и племянники, готовые заместить на службе своих родственников, получавшие содержание только на время их участия в военных мероприятиях. Во время больших походов к ним присоединялись русские люди, живущие в Нерчинске и Нерчинском уезде, как правило, из числа промышленных и гулящих людей, ссыльные (обычно имевшие опыт военной службы) и воины ясачных иноземцев (преимущественно тунгусов)². Кроме того, нерчинские приказчики из числа тобольских детей боярских имели свою личную охрану, также участвовавшую в походах.

Наиболее полно и подробно процесс формирования нерчинского гарнизона в обозначенный период описан в монографии Г. Б. Леонтьевой «Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов)». Мы же постараемся дополнить и уточнить, приведенную исследовательницей информацию, используя данные неопубликованных документов из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН и других источников.

Нерчинский уезд, имевший довольно суровые природные условия и скудные возможности по добыче пушнины в сравнении с Якутией и Приамурьем, был довольно непопулярным местом службы. Тобольский сын боярский Л. Б. Толбузин 12 мая 1662 г. принял в нерчинских острогах только 75 чел. «служилых и новоприборных», вместо 460 ратников, прибывших в Даурию в 1658 г. с воеводой А. Ф. Пашковым. Это были все силы, оставшиеся от полка служилых людей из сибирских городов. «Выборные окладные» ратники из Тобольска, Томска, Тюмени, Березова, Тары, Верхотурья, Пелыма, Красноярска, Туринска, Сургута и Кузнецка. «Новоприборные» из Енисейска и Братска. Многие из них погибли в бою и умерли от болезней, но большая часть, вероятно, просто сбежала в родные края. Часть якутских, енисейских и илимских служилых людей, а также 14 казаков из полка О. Степанова, разбитого маньчжурами в Корчеевой луке в 1658 г., пришедших в Нерчинск с Л. Б. Толбузиным, также незаконно покинула гарнизон в 1663 г. и отправилась на Амур во главе с О. Парфеновым и З. Левонтьевым. В нерчинских гарнизонах осталось 46 чел. Из них не менее 28 чел. были из состава полка А. Ф. Пашкова. Г. Б. Леонтьева отмечает также пополнение даурского войска в 1663–1664 гг. еще одним отрядом «выборных» ратников: 60 чел. из Тобольска и 20

¹ Нерчинск, Телембинск и другие крепости уезда объединялись в документации под общим названием «нерчинские остроги» и в обозначенный период относились к Енисейскому воеводству. С 1674 по 1680 гг. в их состав официально входил и Албазинский острог

² Например, летом 1675 г. в поход против «немирных» тунгусов и монголов из Нерчинска отправлялись «государские служилые и всяких чинов русския люди и ясашныя люди иноземцы» и «ссылныя люди», которые «присланы в службу и по указу оставлены в Телембинском остроге» [3, л. 1]

чел. из Енисейска. Вместе с ними, по данным на 1669 г., число служилых людей увеличилось до 124 чел. В дальнейшем до середины 1680–х военный контингент из городов Западной Сибири на юго–восточную границу не распределялся [26, 85, 154; 31, с. 137–138, 142–143; 32, с. 31–32, 36–39].

Тобольский сын боярский Д. Аршинский, возглавлявший Нерчинск с 1669 по 1673 гг., сделал ставку не на перевод в Нерчинск ратников из других крепостей, а на привлечение на службу добровольцев, реально желавших служить в Нерчинском уезде, что имело положительный результат. Например, в 7178 (1669/1670) г. он принял в казачью службу 12 чел. «вольных охочих людей» из разных сибирских городов, согласных служить без жалованья, выдав им из ясачной казны по коню на человека [2, с. 16; 26, с. 86]. Отметим, что практически весь гарнизон в течение 6 лет с 1666 по 1671 г. не получал денежные и хлебные оклады. По подсчетам Г. Б. Леонтьевой, с 1670 по 1679 гг. в Нерчинск были приверстаны 60 чел. из промышленных и гулящих людей [26, с. 85, 154; 31, с. 138, 142, 148; 32, с. 34]

В 1669–1673 гг. в число нерчинских ратников включали ссыльных людей¹, прибывавших в Даурию через Енисейск [7, сст. 1; 32, с. 35]. Например, в июле 1675 г., сменивший Д. Аршинского, тобольский сын боярский П. Шульгин, приказал Г. Лоншакову, приказчику Теленбинска, отпустить из острога всех ссыльных, служащих у него «по указу», в поход против «воровских» тунгусов. Все согласные должны были явиться в Нерчинск – место сбора военных сил [3, л. 1].

Военная сила Нерчинска стабильно пополнялась за счет ратников из Енисейска [32, с. 33]. Енисейцы, прибывавшие по службе в Нерчинск, нередко били челом о включении их в штат гарнизона. Например, в марте 1676 г. енисейские служилые люди: Потапко Леонтьев (Леонтеив), Максимко Денисов, Кирюшко Степанов сын Панов, Иван Тимофеив Стародубцов, Илюшко Иванов сын Шутов подали челобитные с просьбой взять их в казачью службу «по Нерчинскому острогу» [21, сст. 14–22, 25–25 об.]. Енисейские воеводы пытались предотвратить подобное развитие событий. Они требовали немедленной отправки своих людей назад в Енисейск как только они выполняли свои задачи, как правило, связанные с сопровождением различных грузов² и должностных лиц [10, сст. 1; 12, сст. 1–2]. При этом, многие енисейцы рассматривали свой переход в Нерчинский уезд как этап побегу в Приамурье, в Албазинский острог [31, с. 185–186; 32, с. 35, 39].

В этот же период началось обновление штата за счет ближних и дальних родственников окладных служилых людей [32, с. 36]. Они заменяли убитых, умерших, а также, старых и увечных ратников, которые просили отпустить их со службы в Иркутский и Албазинский монастыри. В 1675–1676 гг. нерчинские казаки

¹ В 1672 г. Сибирский приказ запретил брать на службу людей из всех категорий сибирского населения, не относящихся к родственникам служилых людей. Однако острая нехватка кадров заставила уже через 2–3 года смириться с приемом на службу «присыльных опальных людей», отставных служилых и промышленных людей [26, с. 353–354].

² Например, из 8 енисейских служилых людей, сопровождавших нерчинский хлеб в 1671 году, трое через 4 года оказались в составе гарнизона Нерчинска: Гурылев Сенка, Левонтьев Потапко, Абросимов Петрушка [26, с. 176].

Изот Титов, Роман Кондратьев, Насонко Максимов, Гаврило (Ганка) Конаков Суботин просили «для старости» вместо себя взять на службу своих племянников, соответственно: Ивана Апрелькова, Ивана Романова Метелкина, Сенку Гаврилова (промышленный человек) и Андрея Краснояра (сын казачий) [21, сст. 2–7, 11–13 об., 27–28].

Вплоть до самого конца 1670–х гг. продолжались «воровские» (т.е. незаконные) попытки бегства в Даурию служилых людей из ряда острогов Восточной Сибири. Они обычно плыли к р. Олекме и Тугирию, чтобы затем по Тугирскому волоку перейти на Амур. В 1650–1660–х гг. беглецы почти беспрепятственно проходили этот путь [30, с. 386–398, 400–402, 424–425, 523, 532, 560, 575–577, 586–589, 591–593 и др.]. Однако в 1670–х. служилые люди Олекминской заставы, усиленные отрядами воинов ясачных якутов и тунгусов, довольно успешно справлялись с задачей по поимке «воров». Впрочем, некоторые из них успешно преодолевали и эту преграду, вливаясь в число военных людей даурских крепостей [28, с. 59–60].

Если в период 1658–1665 гг. бежали преимущественно верхоленские, илимские и енисейские служилые люди, то в начале 1670–х гг. к ним присоединились красноярские казаки. В 1671 г. часть бежавших красноярских служилых людей была поймана, судьба части неизвестна [11, сст. 1–2; 28, с. 59–60; 31, с. 162–168]. В заручных челобитных 1676 г. о приеме на службу в Нерчинск отмечен сын казачий Андрей Краснояр. Он занял место своего дяди нерчинского казака Гаврила Конакова Суботина, просившего отставку по старости. Среди нерчинских служилых людей поручиков А. Краснояра еще три человека носили прозвище Краснояр: Иван Васильев, Василий Ларионов и Василий Петров, что весьма красноречиво говорит о месте, из которого они вышли в Нерчинск [21, сст. 11–13 об.].

В архиве СПбИИАН хранятся документы, связанные с приемом на службу в нерчинский гарнизон в 7184 (1675/1676) г. В них отражены данные о 13 новоприборных казаках. Из них 5 чел. енисейские служилые люди, 4 чел. родственники нерчинских казаков (в т.ч. промышленный человек и красноярский казачий сын), 2 промышленных человека, 1 чел. не указанного социального статуса из Илимска и 1 даурский служилый человек [21, сст. 1–30]¹.

Эти данные показывают, что в середине 1670–х гг. 2/3 мест занимались людьми, пришедшими извне (енисейские ратники, промышленные и гулящие люди Нерчинского и соседних уездов), а 1/3 родные «коренных» нерчинских казаков. Таким образом, тенденция создания в Нерчинске относительно замкнутой военной корпорации, восполняемой за счет детей, братьев и племянников ее членов, еще не была доминирующей, но уже набирала силу.

К 1681 г. число казаков в Нерчинске достигло 195 чел [33, л. 7–10]. Получается, что в среднем численность нерчинского гарнизона с 1669 по 1681 г. увеличивалась

¹ Енисейские служилые люди: Денисов Максимко, Леонтьев Потапко, Панов Кирюшко Степанов сын, Стародубцов Иван Тимофеев, Шутов Илюшко Иванов сын. Родственники служилых людей Нерчинска (племянники): Апрельков Иван, Гаврилов Сенка, Краснояр Андрей, Иван Романов Метелкин. Промышленные люди: Колотуха Ивашко Осипов, Кузнец Микитка (Минко) Титов. Статус не указан: Илимской Ивашко Андреев. Даурский служилый человек: Логинко Матфеев [21, сст. 1–30].

всего на 6 чел. в год¹. В последующее десятилетие военный штат Нерчинска не расширялся и не подвергался серьезным изменениям.

Кроме того, при нерчинских приказчиках были их дворовые люди, выполнявшие в том числе роль личной охраны. Опираясь на них и на тобольского пятидесятника Андрея Шехтина, П. Шульгин «чинил» в нерчинском гарнизоне «налоги и обиды», производил наказания кнутом и батагами [27, с. 371–374]. С большой долей вероятности, они участвовали и в военных походах. Точное число их на службе у Д. Аршинского и П. Шульгина неизвестно. Для сравнения, нерчинский воевода Ф. Воейков имел при себе не менее десятка «своих людишек», с которыми он ездил в Албазин наводить порядок в 1681 г. [6, л. 6].

Союзниками Нерчинка были тунгусы князя Гантимура, перешедшие в 1667 г. в русское подданство [29; 32, с. 34–35]. Первые нерчинские переводчики, видимо, также были из числа улусных людей Гантимура [1, с. 455; 26, с. 41; 27, с. 323–326]. Тунгусы привлекались для военных походов. Например, в июле 1675 г. П. Шульгин после жалобы Луникирского роду князя Балбача, на убийство его людей «ворами» – тунгусами Иживцова рода и мунгалскими людьми Намясинского рода, организовал против них большой поход с участием «ясашных людей иноземцев» [3]. В 1714 г. (1675/1676) П. Шульгин использовал Луникирских тунгусов для давления на князцов Абахая Шиленга и Тураки. Тунгусы угнали у них табун более чем из 3000 лошадей [27, с. 372–373]². Союзничество было взаимовыгодным. Например, в 1682 г. нерчинские казаки вели боевые действия против «немирных» тунгусов, напавших на Луникирский род [5, л. 1–2].

Немаловажным фактором для Нерчинска было также то, что в 1665/1666 г. в Приамурье был построен Албазинский острог. Построившие его беглые люди имели в своем составе большое число профессиональных военных. Формально они признавали руководство нерчинских приказных людей. Вливавшиеся в гарнизон Албазина люди подавали в нерчинской росправной избе заручные челобитные с просьбой приверстать их в «казачью службу по Албазинскому острогу». В 1670 г. общее число албазинских служилых людей составляло 82 чел., в 1674 г. 101 чел., а к 1681 г. увеличилось еще на 99 чел., набранных из промышленных и гулящих людей. Албазинский гарнизон, насчитывая 200 ратников, не уступал по силе нерчинскому. При этом все они были сконцентрированы в одной крепости за исключением периода ясачного сбора. Например, 50 чел. на 5 дощаниках отправлялись на реки Зею и Селинбу, и еще 6 чел. в Олдеконское зимовье. Кроме того, в 1681 г. в Албазине проживали более 500 чел. торговых, промышленных и гулящих людей, а также больше 100 чел. пашенных крестьян, способных взяться за оружие во время войны [1, с. 16; 6, л. 4–5 об., 6 об.]. Таким образом, потенциальная военная сила Албазинского острога к 1681 году насчитывала не менее 800 чел. Всего же, по

¹ Г. Б. Леонтьева отметила следующую динамику изменения численности гарнизона Нерчинска: в 1670 г. – 129, в 1674 г. – 170, в 1675 г. – 178, в 1677 г. – 191 человек [32, с. 36].

² В ответ буряты отогнали государственные и частные табуны нерчинских казаков, и не стали платить ясак.

данном нерчинского приказчика А. Строганова, в 1678/1679 г. в Албазине проживало более 1000 чел. «всяких чинов русских людей» (вероятно, с учетом женщин и детей) [36].

В 1666–1675 гг., не смотря на формальное подчинение Нерчинску, албазинцы осуществляли военные мероприятия, не согласуя их, и, невзирая на прямые запреты нерчинских приказчиков [1, с. 82, 84–87, 91; 2, с. 454–457; 8, сст. 1–2; 26, с. 41, 43–45, 153, 396; 31, с. 144]. Подобное положение вещей не было исключительным для сибирских реалий. Например, в 1673 г. енисейский воевода жаловался, что подчиненные ему служилые люди Селенгинского острога «самовольны, указных памятей не слушают и делают все сами по своим прихотям», верстают в казаки беглых енисейских посадских и крестьян, а также делят между собой ясак в счет неполученного жалованья без денежной оценки в Енисейске [26, с.327].

Тем не менее, не смотря на все сложности, взаимодействие между военными корпорациями Нерчинска и Албазина было взаимовыгодным. Албазинцы, получали от нерчинских приказчиков порох, свинец и даже артиллерию. Не позднее конца августа 1675 г. П. Шульгин направил в Албазинский острог «пищаль медную» длиной два аршина и весом шесть пуд с полупудом и «пищаль затинную железную» длиной 3 аршина, поступившие в Нерчинск в 1672 г. из Енисейска [1, с. 481–482; 37, с. 204]. Албазинцы, осуществляя походы по Амуру в бассейн рек Зeya и Селенба, ослабляли влияние «богдойских» дауров на тунгусов, проживавших на юге Якутского уезда. Последние были тесно связаны с тунгусами, находившимися на севере Нерчинского и юго-востоке Енисейского уездов в районе озера Баунт и Баргузинского острога. Усиление проманьчжурского влияния на Амуре вызывало волнения ясачных коренных народов вплоть до оз. Байкал [1, с. 561–562; 26, с. 367–368; 27, с. 343]. Поэтому Нерчинск был заинтересован в усилении позиций Албазина в Приамурье.

Таким образом, для обороны огромной территории Восточного Забайкалья и части Приамурья, бывшей под русским контролем и влиянием в течение 1660–1670-х гг., были задействованы относительно небольшие силы. Численность их, включая албазинцев, с 1669 по 1681 гг. постепенно выросла от 200 до 400 служилых людей. Кроме того, к концу рассматриваемого периода, в случае войны, можно было мобилизовать от 1000 до 1500 чел. промышленных и гулящих людей, пашенных крестьян и несколько сотен тунгусов–союзников.

Было ли этих сил достаточно в случае серьезной военной угрозы?

«Китайская угроза» и военное давление со стороны монгольской степи на Восточное Забайкалье и Приамурье. С 1667–1668 гг. через нерчинских и албазинских ясачных людей начала транслироваться угроза нападения «богдойских и даурских людей» на Албазин и Нерчинск. 27 января 1669 г. нерчинский воевода Л. Б. Толбузин из Теленбинского острога прислал приказчику Баргузинского острога, енисейскому сыну боярскому Якову Похабову, отписку с просьбой о военной помощи. В ней говорилось, что 7000 чел. маньчжурского войска выступили в сторону Нерчинска по двум направлениям со стороны озера Кайлар и по р.

Аргунь. В марте 1669 г. из Баргузина эти известия передал илимскому воеводе С. О. Оничкову, едущий на смену Тобузину, тобольский сын боярский Д. Аршинский. Заняв место нерчинского приказчика, 10 апреля 1669 г., он допросил ясачного князя Еткелу Намяситцкого рода, который рассказал, что на р. Аргунь постоянно приезжают маньчжурские отряды численностью около 400 чел., а на озере Кайлар стоит большое войско, которое может подойти к Нерчинску всего за 6 дней конной езды [31, с. 144–145, 148].

2 июня 1669 г. албазинский приказной человек М. Черниговский посылал без согласования с Д. Аршинским 60 чел. вниз по Амуру на дауров и дючеров. Следуя информации из китайских источников, албазинцы нанесли удар не только на обычном направлении в бассейн р. Зеи и ее притоков, но и поднялись вверх по Сунгари. Эти действия привели к всплеску активности китайской стороны, начавшей переговоры зимой 1669 – летом 1670 гг. о недопустимости подобных действий. В мае и августе 1670 г. в Москву с Баженом Никитиным и Игнатом Миловановым были отправлены письма с требованиями «богдойской» стороны о прекращении походов албазинцев. В августе 1670 г. в Нерчинск из Китая приезжал воевода Муготей со свитой. В это же время по некоторым данным маньчжуры демонстративно подвели к Албазину корабли и конницу, сделали осадный вал. В апреле и августе 1670 г. Д. Аршинский посылал в Албазин памяти, запрещающие «в походы ходить и воевать» вниз по Амуру [1, с. 454–457, 2, с. 84–87; 8, сст. 1–2; 26 с. 41, 43–45, 153; 31, с. 144]. Вероятно, после этих событий албазинские казаки сосредоточили свои усилия на покорении тунгусов, живших на р. Зея, не атакую территории, населенные даурами и дючерами.

Однако сигналы об опасности, исходящей из Китая, продолжали поступать и в следующие годы. Нерчинский десятник Васка Захаров 28 июля 1672 г. в съезжей избе Енисейска бил челом о том, что маньчжуры и «иных немирных земель иноземцы» хотят идти войной под Нерчинский острог, а нем мало пушек, ружей и боеприпасов [1, с. 482]. Аналогичные вести сообщал и А. Толбузин в июне 1678 года. Видимо под влиянием этих же слухов усилилось агрессивное давление соседей на русские территории в Приамурье. 26 июня 1678 г. албазинский сын боярский Г. Лоншаков писал в Енисейск о том, что даурские люди приезжают под Албазинский острог по 500 чел. и грабят промышленных и ясачных людей, облагая последних данью. Зейские тунгусы отказывались платить ясак, «выбивая» сборщиков дани из своих улусов [27, с. 323–326; 28, с. 95].

Если «китайская угроза» в 1660–1670-е гг. оставалась только потенциальной, то опасность, исходящая из монгольских степей, была вполне реальной. В июне 1669 г. около 15000 монголов Дайкон–тайши подошли к Нерчинску на расстояние дневного перехода и забрали к себе в улусы «братских людей», вышедших из монгольских земель под Нерчинск и 3 года плативших ясак. В след за этим осенью–зимой 1669 г. без разрешения монгольских тайшей, стоявших в четырех днях от Нерчинска, отказались платить ясак тунгусы, кочующие на р. Онон. Они открыто обратили внимание на малочисленность русского гарнизона и не способность его защитить их от врагов. В апреле 1670 г. ононские тунгусы напали ночью на лагерь телембинских

ясачных сборщиков и угнали коней. Спасаясь, казаки уплыли на плоту в Нерчинск. В это же время к монгольским тайшам откочевали ясачные буряты Баргузинского острога [1, с. 539–540; 26, с. 84–85].

Подобное положение вещей было и в других частях Прибайкалья. В августе 1674 г. в Иркутске и Балаганске и Брацке служилых людей было так мало, что они ничего не могли противопоставить кочевникам, приходящим на контролируемую этими крепостями территорию. Служилые люди писали, что монголы «по вся годы» приезжают по 100–200 чел. к ясачным людям, берут с них дань, увозят людей и «оборонять их некем». Помощи из Енисейска не было, т.к. в нем оставалось только по 20 чел. и меньше, в то время как остальные были распределены по многим службам в уезде. Не было запасов, оружия и боеприпасов. В Селенгинск «по воинским вестям» отправили 2 пуда пороху и пуд свинца с казаком Кузкой Фофановым, а Иркутску и Брацку предписали жить «с бережением», взяв у ясачных добрых аманатов, чтобы они не изменили и «к Мунгалам не отъехали» [26, с. 353–354]. В это же время были получены сведения о том, что под Селенгинский и Брацкие остроги идет войной табуницкий Гыган кан с тайшами. В связи с чем, селенгинцы не смели выезжать за ясаком. В это же время, в Енисейск сообщили из Бельского острога, что киргизские люди идут войной на Енисейские уезды, при том, что в Бельском остроге под руководством сын боярского Хриштома Перанского было всего 32 беломестных казака, а в Кемском остроге 49 ратников [26, с. 353–354].

Нерчинский приказчик П. Шульгин в 1674–1677 гг., организовав ряд походов против «немирных» обитателей степей внутри Нерчинского уезда и за его пределами, включая масштабный набег на табунутов, которые, следуя вестям из Селенгинска, в декабре 1675 г. грозились собрать 500 воинов и атаковать Нерчинск. Победы Шульгина сумели стабилизировать обстановку и вернуть доверие коренных жителей к русской военной силе, способной защитить своих поданных. Им же были успокоены бунтующие ясачные тунгусы, многие из которых вернулись на свои прежние места [1, с. 540, 561–562; 26, с. 353–354, 364, 367–368; 27, с. 323–326, 343–344, 371–372 и др.].

Однако к концу 1670–х гг. обстановка стала обостряться. В конце июня 1678 г. в Енисейск из Нерчинского и Албазинского острогов поступили сведения о том, что «киргизский князец» Ереняк, а также монгольские Очирой хан и его брат Батур-контайша готовятся к совместному наступлению на Красноярск, Енисейск и Даурские остроги. Приказной человек Селенгинска Данила Строганов добавлял, что Иркутск и Братские остроги уже «от мунгал сидят в осаде» (очевидно, что имелось в виду наличие монгольских отрядов недалеко от крепостей, а не прямые действия по их осаде), а монголы готовятся к войне на территории Забайкалья, контролируемой русскими [28, с. 95, 153, 168]. Эти сведения совпали с информацией о готовящемся наступлении маньчжуров на Албазин и Нерчинск.

Приведенные здесь факты, наглядно показывают, что Забайкалье в 1660–1670-е гг. было точкой большой напряженности, однако правительство России не спешило наполнять его военной силой, достаточной для отражения возможной

агрессии. Для сравнения в 1676–1677 гг. в крепостях, отвечавших за оборону юго-западной части сибирских владений России, были сконцентрированы значительные военные силы. Они распределялись следующим образом: Томск – 974 чел., Красноярск – 420 чел. и 202 «годовальщика» из городов Тобольского разряда, Енисейск – 479 чел., Кузнецк – 232 чел. Всего 2307 чел., включая служилых татар и беломестных казаков [28, с. 150–152]. Это почти в 6 раз больше, чем суммарное число служилых людей в крепостях Восточного Забайкалья и Приамурья в этот же период.

Почему же Восточное Забайкалье и Приамурье не наполнялись военными силами, несмотря на все тревожные известия оттуда? Для ответа на этот вопрос мы должны обратить внимание на потенциальные источники пополнения даурских гарнизонов. Во-первых, это ратники из городов Западной Сибири, традиционно направляемые в места наибольшей опасности. Во-вторых, Нерчинск, следуя приказу правительства, должен был получать военную помощь из ближайших к нему центров: Енисейска, Якутска и Илимска [32, с. 33]. Рассмотрим каждый из этих вариантов.

Служилые люди из западносибирских городов. Посылка на восток военного контингента из крепостей Западной Сибири была обычной практикой правительства России на протяжении 2-й половины XVII века. Полки, укомплектованные окладными служилыми людьми, их родственниками и наемщиками, отправлялись в Забайкалье и Приамурье в 1653 г. (Д. Зиновьева, 150 чел.), 1658 г. (А. Ф. Пашкова, 450 чел.), 1684 г. (А. Бейтона, 600 чел.), 1686 г. (Ф. А. Головина, 960 чел.), 1691 г. (300 чел.). Не сложно заметить, что в 1660–1670-х гг. был большой перерыв, во время которого западносибирские ратники не усиливали даурские гарнизоны. Г. Б. Леонтьева видит основную причину этого в том, что «пересылки партий «посланных по выбору» на далекие расстояния создавали для администрации лишние материальные трудности» [32, с. 32]. Однако как показано выше данная причина не могла быть основной. В другое время ратников посылали. На наш взгляд отмеченный перерыв в распределении сил на юго-восточную границу связан с тем, что в этот период основное внимание Сибирского приказа было приковано к югу Сибири. Именно здесь ожидали наибольшую и реальную опасность.

В 1667 г. во время набега енисейских киргизов и их союзников на Красноярск его защитники понесли большие потери. Убитых было не менее 198 чел., значительную часть из них составляли служилые люди [28, с. 150–152; 35, л. 336–337]. По решению правительства убыль была восполнена за счет размещения в Красноярске на постоянную и временную службу служилых людей Тобольского разряда. С 1668/1669 г. по указу правительства Тобольск, Тюмень, Тара, Тура, Верхотурье, Березов, Сургут, Пелым усиливали красноярский гарнизон своими людьми. Число годовальщиков из этих крепостей достигало 200 чел. Вопрос об отмене этого усиления был поставлен только к концу 1678 г. Однако он совпал с угрозой нового крупного наступления енисейских киргизов в Южной Сибири. Поэтому ограничились только решением о замене тюменцев и березовцев на

служилых людей из Томска. Впрочем, тюменцы не успели воспользоваться решением о замене, и осенью 1679 г. участвовали в боях у Красноярска против воинов Ереняка Ищеева [28, с. 150–153, 169–171]. Таким образом, весь рассматриваемый период Нерчинск не мог рассчитывать на пополнение гарнизона за счет служилых людей из городов Западной Сибири. Ситуация изменилась только в 1680-х гг. в виду неизбежного конфликта с Китаем и угрозы потери значительных территорий России на юге Дальнего Востока.

Якутск. Теоретически Якутск мог в случае необходимости относительно быстро усилить гарнизоны даурских крепостей своими людьми. В 1650–е гг. не менее 700 чел. из Якутского уезда (служилых и охочих людей) стали основой полков Е. Хабарова и О. Степанова, действовавших в Приамурье. Путь от Якутска до низовьев Амура по рекам Лене, Олекме и Тугирю и Тугирскому волоку занимал в среднем около 7 недель. Выйдя на амурские берега, служилые люди могли дойти до Албазина за одни сутки, а до Нерчинска отсюда по Амуру и Шилке «вверх против воды легким судном переменными людьми ходу 3 недели». Обратная дорога низ по течению занимала гораздо меньше времени – 6 суток. [31, с. 151]. Немаловажным фактором являлось наличие на этом маршруте Олекминского и Тугирского острогов, где можно было предварительно разместить в них хлебные запасы необходимые для обеспечения полков питанием, а также то, что жители Якутского уезда хорошо знали местность, по которой они передвигались.

Однако Якутск не только не был готов делиться военными силами, но сам остро нуждался в пополнении. В период с 1665 по 1680 гг. потери якутского гарнизона только убитыми составили более чем 250 чел. Наиболее сложная обстановка была на крайнем Северо–Востоке Сибири. Служилые люди, сталкиваясь с военным противодействием юкагиров, коряков и чукчей писали, «а иноземцов ... гораздо многолюдно, а одоления от русских людей к ним нет». Подобная же ситуация была и на юго–востоке Якутского уезда, особенно обострившаяся к концу рассматриваемого нами периода. В 1677–1678 гг. тунгусы перебили смену, шедшую из Якутска в Охотск, получив в качестве трофея пушку, а в 1680 г. убили на р. Юдомь стольника и воеводу Даниила Бибикова. Тунгуский князец Некрунко с 1000 воинов держал в осаде гарнизон Охотска. В этих условиях Якутск не имел сил для перелома ситуации в свою пользу [28, с. 158–159, 160, 172, 180–181 и др.]. Ситуация усугублялась тем, что промышленные люди, значительно усиливавшие отряды служилых людей, из–за плохих промыслов ушли из зимовий Якутского уезда в Якутск, Илимск и Киренский уезд.

К 1680/1681 гг. в гарнизоне Якутска было 606 чел. Все наличные ратники были распределены по уезду, и в отдаленных крепостях не сменялись по несколько лет вместо положенных 2 годов. В Якутске находились только старые и увечные служилые люди, а также их дети 8 до 16 лет, которые были слишком молоды для посылки на «дальние службы». В 1679 г. в Якутске некому было строить новый острог и чинить старые укрепления, подмываемые рекой [27, с. 348, 364–365]. При этом восстановление и увеличение штата гарнизона происходило с учетом

требований Сибирского приказа от 18 мая 1672 г. предписывавших на освободившиеся места верстать только родственников служилых людей. Небольшой процент от новоприборных казаков составляли крещеные якуты. Этих источников было недостаточно. В 1674/1675 г. якутские служилые люди просили воеводу приверстать в гарнизон промышленных и гулящих людей, чтобы в зимовьях «смирить» иноземцев. Правительство разрешило брать на службу «присыльных опальных людей» (ссылные посадские люди), отставных ратников, промышленных людей. На самом деле, только последняя категория могла дать реальный прирост военной силы. В 1675/1676 число гулящих людей, прибранных в штат, было в 4 раза больше чем казачьих детей, братьев и племянников и в 10 раз больше, чем представителей других групп [26, с. 353–354].

Традиционно одним из источников увеличения якутского гарнизона была присылка ратников из Енисейска и Илимска. После поражения от тунгусов в 1677–1678 гг. правительство приказало «не мешкая ни часу» отправить в помощь Якутску «на вечное житье» в свободные 76 окладных мест 40 служилых людей из Енисейска и 20 казаков из Илимска с семьями, а также охочих гулящих людей Илимского уезда, исключая «ссылных, тяглых и дворовых» людей. Эти ратники должны были разместиться в Якутске, сменив якутских служилых людей, которых следовало направить к Охотску и другим проблемным местам. При этом, не смотря на опасность сложившегося положения, илимский воевода сообщил, что отправит людей в Якутск не ранее весны 1680 г., потому что отсутствовали запасы хлеба на дорогу и жалованье ратников, т.к его весь прежде выслали в Якутский острог [28, с. 158–159, 160, 172].

Весной 1680–1682 г. якутские казаки совершили несколько удачных походов на юге Якутска уезда в бассейне р. Удь и Амгунь, в т.ч. разгромив «немирных» тунгусов, перебивших до этого служилых людей на р. Амее. Для покорения 12 тунгусских родов, включавших в себя до 500 воинов, требовалось 150 чел. Для этого в Чичуйском, Усть–Кутской, Верхнекиренской, Тугурской, Ильинской, Бирюльской волостях набрали 50 чел. ратников из гулящих людей и еще 40 чел. планировали взять на службу. При возможности русские отряды усиливались воинами из ясачных оленных и пеших тунгусов [28, с. 174–177, 179, 183–184].

К марту 1682 г. гарнизон Якутска увеличился до 717 чел., но, при этом, его положение по-прежнему характеризовалось как «малоллюдство». Для «полного наряда», способного удовлетворить потребности Якутска в военной силе, требовалось не менее 1000 чел.¹ Таким образом, в 1669–1681 гг. Якутск не мог быть источником для пополнения нерчинских гарнизонов, и не имел возможности прислать сколько-нибудь значимые силы в Даурию во время военной опасности.

Наоборот, в Якутске были крайне заинтересованы в помощи нерчинских и албазинских казаков, так как события на южной границе Якутского уезда вызывали беспокойство. В 1667–1669 гг. поданные Цинской империи призывали якутов,

¹ Годовой расход на них должен был составлять: 5262 руб. 16 алт. 4 деньги, 6278 чети ржи, 2563 чети овса, 1281 чети с осминой круп и толокна, 1052 пуда соли [27, с. 364–365; 28, с. 180–183].

живших на территории, контролируемой из Олекминского острога, переходить на р. Зею и ее притоки, считавшиеся «богдойскими» владениями. Кроме того, на р. Уде они обложили данью тугирских тунгусов, ясачных плательщиков русского Верхотурского зимовья. Не способность администрации Якутска противодействовать расширению сферы влияния «богдойцев» привела к тому, что они озвучивали планы, пройдя по рекам Тугирь и Олекма на р. Лену, собирать дань из других ясачных плательщиков Якутска [26, с. 153–154]. В последней трети 1676 г. нерчинский приказчик П. Шульгин писал о том, что ясашные тунгусы Якутского уезда «из Майсково зимовья бежали ... отбив аманатов на Зею реку и живут вместе с прежними изменниками тунгусами с Петрушкиными родимцами ... Да и якуты которые ... изменили и от Якуцкого острога отъехали к китайскому хану живут с теми де ворами кочуют не подалеку». Таким образом, бассейн р. Зея стал местом притяжения мятежников Якутского уезда, где они рассчитывали на защиту со стороны «богдойцев». Сюда же переходили, не хотевшие платить ясак, тунгусы севера Нерчинского и юго-востока Енисейского уездов. П. Шульгин просил военной помощи у Якутского воеводы для разгрома мятежников в Приамурье, но, вероятно, она не прибыла [19, сст. 8].

Енисейск. Как уже было отмечено, нерчинские остроги входили в Енисейское воеводство и могли рассчитывать на пополнение своих гарнизонов енисейцами. Однако Енисейск в 1670-е гг. испытывал значительный кадровый дефицит, усугублявшийся указами правительства, предписывавшими усиливать енисейскими служилыми людьми Якутск. В сфере ответственности Енисейска были и большие территории, расположенные вокруг озера Байкал. В 1674–1675 гг. 132 чел. из енисейского гарнизона находилось «безпеременно» в Прибайкальских острогах: сын боярский и 26 казаков в Иркутске, 23 чел. в Балаганском остроге, 14 чел. в Братске и еще 69 чел. с казачьим головой в других «байкальских» крепостях. В этот же период в дополнение к этим людям стали размещать беломестных казаков¹. Правительство предписало в тех местах, где они были устроены, сократить число ясачных сборщиков из числа окладных служилых людей, заменив их беломестными казаками². Освободившихся ратников, предписывалось посылать «по воинским

¹ 14 ноября 1675 г. на р. Иркут был построен Тункинский острог. Первоначально острог «для поспешения» был небольшой «2 избы под башнями по 4 сажени печатных, между избами острог по 6 сажен, с 2 боя с катками, кругом острога надолбы». В нем разместились 20 служилых людей и беломестных казаков с приказчиком Агейкой Мартемьяновым. Весной 1676 г. на смену служилым людям весной 1676 г. санным путем должны были приехать 15 чел. служилых людей и 20 беломестных казаков, чтобы начать пахать и строить дома, а в Иркутском остроге «им бытии не у чего, лише утеснение ... пахать и сен ставить не дают». Таким образом, общее число военных в крепости должно было составить не менее 50 чел. Расположение Тункинского острога было таким, что в него упирались все приходящие с монгольской стороны. Это было важно для защиты ясачных людей. Кроме того, Тункинский стал «застеньем» для Ангарского острога [27, с. 344–345].

² В 1669 г. енисейский воевода К. А. Яковлев прибрал в беломестные казаки 134 чел., разместив их по острогам и слободам: в Кемском – 50 чел., острог на р. Белой – 40 чел., острог на р. Усолке – 12 чел., у Маковского острога на р. Кети – 9 чел., Иркутский острог – 22 чел., Братский острог – 1 чел.

вестям в Дауры» [28, с. 150–152]. Однако вряд ли их количество могло кардинально способствовать усилению военного контингента в Забайкалье.

По всей видимости, многие енисейские воеводы считали даурские остроги обузой. Например, хлебное жалованье должно было поступать в Нерчинск из Енисейска. Однако с 1666 по 1670 гг. енисейские администраторы не спешили отправлять запасы в Даурию, сообщая, что хлеба нет. В 1671 г., вероятно, под влиянием сведений о возможном конфликте с Китаем, Москва переключила свое внимание на состояние гарнизонов в Даурии. Нерчинский казачий десятник Филка Свешников получил в Москве денежную казну для выплаты нерчинцам жалованья, которое многие из них не получали в течение 6 лет [31, с. 139, 142]. Воевода Енисейска К. А. Яковлев приказал закупить и складировать необходимый хлеб в Братске и Иркутске. Однако заботы о его доставке он перекладывал на нерчинского приказчика Д. Аршинского, написав ему, что если он не решит проблему и «в ясячном сборе будет ... поруха и служилым людям нужда, и то учинится от тебя, а запасы изготовлены и в Москву отписано». Однако позднее, видимо под давлением правительства, К.А. Яковлев перевез хлебные запасы в Баргузинский острог, где нерчинцы смогли их забрать [1, с. 481–482; 9, сст. 1–2; 13, сст. 1–2; 15, сст. 1–2; 16, сст. 1–2; 26, с. 176–177]. В указе от 4 февраля 1678 г. предписывалось хлебные запасы, пересылаемые из Тобольска в Енисейск, в приоритетном порядке распределять не только в Якутск, но и в Даурские остроги. Так же это касалось и, выращенного в Енисейском уезде хлеба, который запрещалось раздавать енисейским служилым людям в оклады в соответствии с их жалованьем. За неполученный хлеб они должны были получать денежную компенсацию [28, с. 157, 160]. Это показывает, что правительство к концу 1670-х гг. осознало крайнюю уязвимость военных гарнизонов на восточных границах.

Енисейск был главным центром, через который Даурия оперативно насыщалась артиллерией, ручным оружием и боеприпасами, поступавшими из Тобольска. В период с апреля 1669 г. по февраль 1671 г., артиллерийский наряд Нерчинского уезда состоял всего из 2 пушек¹. В связи с потенциальным нападением Китая, ближайшие к нему военные центры, а также Тобольск, сообщили в Москву о том, что не имеют возможности усилить нерчинские остроги артиллерией. Однако в этот же период в 1671–1672 г. из Енисейска в Нерчинск были отправлены несколько партий пороха и свинца² для противодействия «богдойским войскам».

и приказ набрать 10 чел. [24, с. 73–76]. В 1676/1677 гг. в Енисейском уезде было – 149 беломесных казаков в т.ч. 28 чел. в Иркутске и 9 чел. в нижнем Братском остроге [28, с. 150–152].

¹ В гарнизоне Нерчинске в этот период было 124 чел., распределенных также в Теленбинский и Иргенский остроги. Отметим, что в Якутске в этом же году также было только 2 боеспособных полковых пищали, что в целом отражает невнимательность правительства к состоянию обороноспособности военного контингента на востоке России [26, с. 85, 154; 31, с. 148]. В Енисейске после 1667 г. было не менее 9 пушек, присланных из Тобольска. К началу 1673 г. воевода К. А. Яковлев наладил производство артиллерии в самом Енисейске, сделав 5 «пищалей медных» и 12 железных (затинных). Всего в 1673 и 1676 гг. на месте было сделано 18 орудий [24, с. 33, 25]

² 2 пуда пороха стоили в Даурии 32 руб., а 2 пуда свинца – 10 руб. [31, с. 139, 142].

Провожатыми были Я. Ястребник, Ф. Мешинин, Г. Бурнов, М. Панкратов, М. Свиньин и др. В июне 1672 г. (7180 г.) из Тобольска в Енисейск, а затем через Баргузинский острог в Нерчинск доставили 54 пуда пороха и 38 пудов свинца [1, с. 481–482; 14, сст. 1; 17, сст. 1–3; 18, сст. 1]. Это достаточно большая партия. Для сравнения в Якутск через Енисейск же присылалось по 30 пудов пороха и свинца «с бочками, рогожками и веревками» на 3 года и еще по 15 пудов для освоения новых земель [26, с. 154; 27, с. 129–130].

В августе 1672 г., спустя почти три года после известий об опасности нападения китайских войск, в Нерчинск поступили пушки. Нерчинский казачий десятник Васька Захаров привез из Енисейска два орудия: пищаль медную с 20-ю ядрами железными и пищаль затинную железную с 30 ядрами железными¹. В 1672/1673 г. (7181 г.). Тобольский драгунского строя поручик Яков Тырсков доставил из Тобольска в Даурию 2 пушки медные, «по 19 пуд», а также 20 пудов свинца и порох и «московской посылки». В 1673–1674 гг. (7182 г.) из Москвы в Тобольск для Даурских острогов с тобольским сыном боярским Б. Тутолминым и енисейским сыном боярским А. Ботовым отправлен 31 пуд пороха. В это же время, Сибирский приказ обязал енисейского воеводу своевременно писать в Тобольск о наличии оружия и боеприпасов и следить за их наличием в крепостях Енисейского уезда [28, с. 95]. В 1675/1676 из Тобольска с тобольским сыном боярским Ларионом Толбузиным, с сыном его Алексеем в Нерчинск отправлены 239 пищалей «московской присылки», а также, по 40 пудов пороха и свинца. Это были все основные поставки боеприпасов и оружия в Забайкалье в 1670–е гг., «а больше тех посылок ... в Даурские остроги не было»². В 1678 г. в Енисейске не было пороха и свинца для Нерчинска, Албазина, Селенгинского и Братских острогов, испытывавших острую нехватку боеприпасов [28, с. 95, 153, 168].

Таким образом, Енисейск, в первую очередь, служил центром, пополнявшим материальную базу даурского военного контингента. Кроме того, мы уже отмечали, что часть енисейских служилых людей, не смотря на противодействие своих воевод, переходила на службу в Нерчинск. Однако этот ресурс был очень ограничен, и не мог кардинально увеличить нерчинские гарнизоны.

Илимск. Илимский гарнизон по численности соответствовал нерчинскому. В 1676 г. военные силы острога насчитывали 209 чел. и 5 пушек. Численность ратников в виду отсутствия прямой военной угрозы понемногу сокращалась. В 1689 г. гарнизон насчитывал 183 чел. [34, л. 278, 272–280]. Таким образом, сил, которые мог ли бы существенно усилить даурские остроги, здесь также не было.

¹ Отданы нерчинским приказчиком П. Шульгиным в Албазинский острог в 1675 г. [1, с. 482].

² Сведения о состоянии военных сил Сибири собирались в рамках указа правительства от 3 декабря 1678 г. о досмотре в сибирских крепостях числа служилых людей, их вооружения, в т.ч. артиллерии. Требовалось привести в боеспособное состояние оружие, требующее починки. Тобольску предписывалось своевременно снабжать гарнизоны необходимыми боеприпасами. Пешим стрельцам, казакам и драгунам нужно было взять на вооружение «пики длинные, полупики и копья», а также брусья с крюками и рогатки с полупиками для заграждения во время полевого боя. Крепостные укрепления требовалось пересмотреть и закончить то, что еще не достроено [27, с. 346–347; 28, с. 95].

Тем не менее, в критической обстановке посильная помощь Илимска также имела значение. Весной 1669 г. Д. Аршинский лишился всего пороха, который должен был быть доставлен в Нерчинск. При переходе оз. Байкал его корабли разбило в пути. Вследствие этой неудачи запасов «зелья ручного» и свинца в Нерчинске не было больше 9 месяцев. Из всех крепостей, расположенных недалеко от Нерчинского уезда, после просьб о помощи отозвался только Илимск. В декабре 1669 г. из Илимска в Нерчинск по приказу воеводы С. О. Оничкова на лыжах отправился отряд из 10 чел. во главе с Богданом Балахней. Они должны были доставить на нартах 3 пуда пороха на случай военных действий с Китаем [31, с. 148–149].

Подводя общий итог, можно отметить, что медленный рост численности нерчинского гарнизона в 1660–1670-е гг. объективно был связан с натиском кочевников на русские территории в Южной Сибири и военным противостоянием в Якутском уезде с тунгусами, коряками и чукчами. Все свободные военные силы, которые могли быть перемещены из одних сибирских крепостей для усиления других, в приоритетном порядке распределялись в эти регионы. Обострение военной обстановки в Забайкалье и Приамурье вызывало в правительстве беспокойство, однако отсутствие масштабных военных столкновений и больших потерь, видимо, отодвигало вопрос увеличения штата даурских гарнизонов на второй план. Этому способствовал и общий дефицит кадров военных людей в Сибири. Поэтому руководителям военного контингента на юго-восточной границе Дальнего Востока предписывалось уклоняться от действий, которые могли бы стать причиной военного конфликта. В то же время, в Даурию «по военным вестям» направлялась артиллерия, ручное огнестрельное оружие и боеприпасы в объеме не меньшем, чем например, в Якутский уезд, где служилых людей было почти в 2 раза больше. Очевидно, что Сибирский приказ пытался наиболее эффективно распределить, имевшиеся в его распоряжении ресурсы, исходя из текущей обстановки.

Приложение. Казаки, несшие службу в нерчинских острогах
в 1675–1677 гг.¹

Абросимов Петр	Маракин Василей Гаврилов
Акатиев (Акатьев) Гаврило	Марков Ондрей
Алексеев Юрий	Матфеев Логинко (Логин)
Алексиев Евдоким	Махнев Макар Меркурьев (десятник)
Алимпиев (Алинпиев) Федор	Метельник (Метелкин?) Ивашка

¹ Г. Б. Леонтьева отметила отсутствие полных списков штата военных Нерчинского уезда в середине 1670-х гг. Используя, неопубликованные документы Архива СпБИИ РАН, периода 1675–1677 гг. мы постарались частично восполнить недостающие данные. В Приложении содержатся 143 имени рядовых казаков (более 70 % от общей численности).

	Романов (приверстан из казачьих племянников)
Амосов Иван	Микитин Леонтей
Анисимов Софрон (толмач)	Милованов Василей Федоров
Андреев Богдашка	Могулев Ярофей
Апрелков Иван Максимов (призван из казачьих племянников)	Немтинов Ларион
Астраханцов Иван Иванов сын	Никитин Леонтей
Атов Кондратей	Никифоров Стефан
Балаганский Михаил Федоров (Балаганской Михайло) (был грамотен)	Новоселов Епифан Евдокимов
Баладин Иван	Носов Юрий
Бобров Василей Федоров	Охрелков Афонасей
Борисов Иван	Недорез Микита
Брянчанин Сава	Падерин Прокопий (Прокофей) Иванов
Бялко (Бялко?) Панфил	Панов Кирюшка Степанов сын (приверстан из енисейских служилых людей)
Вавилов Андрей	Патракиев (Патрикеив, Патрикиив, Патракиив) Иван
Ваенгин Федор Харитонов	Петров Иван Кузнец
Васильев Афонасей	Петров Терентий
Васильев Лука	Позняков Степан (Стенка, Стефан) Семенов (был грамотен)
Верещагин Дмитрий (Митка) Иванов (был грамотен)	Полетаев Никита
Вешняк Семен (Сенка)	Попов Иван
Власов Мартемьян	Прокопьев (Прокопьев) Ермола
Власов Федор	Расторгуев Григорий (толмач)
Гаврилов Сенка (до призыва казачий племянник, промышленный человек)	Самара Авдей (Овдей) Васильев
Гурылев Семен Васильев	Свешников Леонтий Иванов (Свешник Леонтей) (был грамотен)

*ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НЕРЧИНСКОГО УЕЗДА В 1660–1670-Е ГГ.:
К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ*

Дедюлин Кирюшка	Максимов Яков (десятник, приверстан из даурских служилых людей)
Дениско Максимов (был грамотен, приверстан из енисейских служилых людей)	Свешников Филип Яковлев (десятник)
Дмитриев Григорей	Семенов Стефан
Дунаив (Дунаев) Борис	Сергий Дмитрий
Дунаив (Дунаев) Иван	Симанов Стефан (Степан, Стенка) (был грамотен)
Евдокимов (Ивдокимов) Епифан	Скрип Прокопей Дмитриев
Еремеев Афанасей (Афонасей)	Софронов Афанасей
Захаров Василей	Спиридонов Федор (был грамотен)
Зиновьев Федор	Стародубцев Иван Тимофеив (приверстан из енисейских служилых людей, был грамотен, бил челом об отставке по старости в 1675 г.)
Иванов Андрей	Степанов Ефрем
Иванов Дементий	Степанов Аврамка
Иванов Левка (Леонтей, Левонтей) (был грамотен)	Суботин Гаврило (Ганка) Конаков
Иванов Прокопей	Суетин Дмитрий (толмач)
Иванов Сысойка	Тарара Алексей
Иванов Трофим	Тварогов Иван
Илимской Ивашко Андреев (приверстан)	Тимофеив Дмитрий
Ильин Сава	Титов Изот (Изотка) (бил челом об отставке по старости в 1675 г.)
Ионков Ерофий	Титов Микитка (Минка) Кузнец
Козлов Илья Терентьев сын (Козловской Илья) (был грамотен)	Томаскин Олфёр
Колёнов Иаков	Томской Семен Кузмин (Козмин)
Колотуха Ивашко Осипов (приверстан из промышленных людей)	Угольной Лука
Кондратьев Ромашка (отставлен в 1675 г. по старости)	Унжак Микита Гордеев
Корташов Данило	Уткин Осип

Краснояр Андрей Дмитриев (приверстан из казачих детей, племянник Г. Конакова)	Фадеев Ярофей (Фадеев Ерафей) (был грамотен)
Краснояр Василей Ларионов	Федоров Ефрем
Краснояр Василей Петров	Федоров Кузьма бронной мастер
Краснояр Иван Васильев	Федоров Михайло
Куроптев Иван Иванов	Федоров Ярофей
Кучага (Куча) Микита	Харитонов Григорий (толмач)
Ларионов Василей Краснояр	Чюмичев Иван Иванов
Ларионов Иаков	Шароглас Офонасей
Ларионов Максим	Шутов Гаврило
Левонтиев (Леонтиев) Василей	Шутов Илюшка Иванов сын (приверстан из енисейских служилых людей)
Леонтьев (Леонтиев) Потапко (приверстан, енисейский служилый)	Щюкин Иван
Логинов Микита	Юрьев Захар
Максимов Иаков	Яковлев (Иаковлев) Степан
Максимов Насонко (отставлен в 1675 г. по старости)	Яковлев Филип
Максимов Петр	Ясырев Иван
Максимов Федор	

Список использованных источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. IV. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1842. 590 с.

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkhеоgraficheskoyu kommissieyu. T. IV. SPb.: V Tipografii II-go Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii. 1842. 590 s.

2. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. Хабаровск, 2019. 628 с.

Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva / Sostaviteli Trukhin V. I., Kryukov V. V. Khabarovsk, 2019. 628 s.

3. Архив СпБии РАН. Колл. 18. (Г. С. Батенкова). Оп. 1. Д. 5. Л. 1

Arkhiv Spbii RAN. Koll. 18. (G. S. Batenkova). Op. 1. D. 5. L. 1

4. Архив СпБии РАН. Колл. 18. (Г. С. Батенкова). Оп. 1. Д. 8. Л. 1

Arkhiv Spbii RAN. Koll. 18. (G. S. Batenkova). Op. 1. D. 8. L. 1

5. Архив СпБии РАН. Колл. 18. (Г. С. Батенкова). Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2

Arkhiv Spbii RAN. Koll. 18. (G. S. Batenkova). Op. 1. D. 18. L. 1–2

6. Архив СпБии РАН. Колл. 18. (Г. С. Батенкова). Оп. 1. Д. 24. Л. 1–17

Arkhiv Spbii RAN. Koll. 18. (G. S. Batenkova). Op. 1. D. 24. L. 1–17

7. Архив СпБии РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 1. Сст. 1

Arkhiv Spbii RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 1. Sst. 1

8. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 3. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 3. Sst. 1–2
9. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 7. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 7. Sst. 1–2
10. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 8. Ст. 1
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 8. Sst. 1
11. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 11. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 11. Sst. 1–2
12. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 12. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 12. Sst. 1–2
13. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 13. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 13. Sst. 1–2
14. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 14. Ст. 1
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 14. Sst. 1
15. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 16. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 16. Sst. 1–2
16. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 17. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 17. Sst. 1–2
17. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 18. Ст. 1–3
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 18. Sst. 1–3
18. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 19. Ст. 1
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 19. Sst. 1
19. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 28. Ст. 1–8
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 28. Sst. 1–8
20. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 30. Ст. 1–3
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 30. Sst. 1–3
21. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 32. Ст. 1–30
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 32. Sst. 1–30
22. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 44. Ст. 1–6
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 44. Sst. 1–6
23. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 45. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 45. Sst. 1–2
24. Барахович П. Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск: Литера–принт, 2019. 304 с.
Barakhovich P. N. Eniseisk v XVII–XVIII stoletiyakh. Maloizvestnye stranitsy istorii. Krasnoyarsk: Litera-print, 2019. 304 s.
25. Барахович П. Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов в XVII столетии // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VI. Русский бог войны: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. Санкт–Петербург. 2015. С. 65–95.
Barakhovich P. N. «Ognennyi naryad» Eniseiskogo i Krasnoyarskogo uezdov v XVII stoletii // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spetsial'nyi vypusk VI. Russkii bog voyny: issledovaniya i istochniki po istorii otechestvennoy artillerii. Ch. I. Sankt–Peterburg. 2015. S. 65–95.
26. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. VI. СПб.: В типографии Эдуарда Праца. 1857. 503 с.
Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. VI. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa. 1857. 503 s.
27. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. VII. СПб.: В типографии Эдуарда Праца. 1859. 385 с.
Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. VII. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa. 1859. 385 s.

28. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологическою комиссиею. Т. VIII. СПб.: В типографии Эдуарда Праца. 1862. 359 с.
Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. VIII. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa. 1862. 359 s.
29. Зуев А. С. Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 9–34
Zuev A. S. Bogdoiskii boyarin Gantimur: rozhdenie i razvenchanie mifa // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. T. 19, № 8: Istoriya. S. 9–34
30. Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2008. 752 с.
Krasnoshtanov G. B. Erofei Pavlovich Khabarov. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo, izd-vo «RIOTIP» kraevoi tipografii, 2008. 752 s.
31. Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск. 2008. 378 с.
Krasnoshtanov G. B. Nikifor Romanov Chernigovskii: dokumental'noe povestvovanie. Irkutsk. 2008. 378 s.
32. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. 321 с.
Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov). M., 2012. 321 s.
33. РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–34
RGADA. F. 1142. Op. 1. D. 19. L. 1–34
34. РГАДА, Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 1–356 об
RGADA. F. 214. Op. 3. Stb. 1059. L. 1–356 ob
35. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 814. Л. 336–337
RGADA. F. 214. Op. 3. Stb. 814. L. 336–337
36. СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 63об.–66об.
SPbF ARAN. F. 21. Op. 4. D. 29. L. 63ob.–66ob.
37. Трухин В. И. Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых. Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». Спб.: Президентская библиотека. 2020. Вып. 5. С. 200–215
Trukhin V. I. Albazinskii ostrog: ot «rospisi» do «rospisi» // Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh. Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Seriya «Elektronnyi arkhiv». Spb.: Prezidentskaya biblioteka. 2020. Vyp. 5. S. 200–215

E. Bagrin Military forces of Nerchinsky district in 1660–1670s. Crisis of defense system of the Eastern Transbaikalye

The article examines the garrison of Nerchinsk district in 1660–1670s. Formation of Russian military force for defending its southeastern borders had been established during this period in Dauria. The military forces located in Nerchinsk, Telenbinsk and Itantsinsk were too small in number to resist Mongol and Qing Empire troops effectively. The replenishment of Nerchinsk garrison staff happened at a slow pace, at the same time, Daurian military forces could not be strengthened by transferring troops from other places to Transbaikalye and Amur region. Free military contingent from Western Siberian cities was diverted to countermeasure the nomads in southern Siberia. There were not enough warriors in Yakutsk district to «pacify non-peaceful foreigners». Most of warriors in Yeniseisk and Ilimsk were in various «sovereign services» and could not be sent to Dauria. The government was unable to strengthen the southeastern border with people and pursued a policy of avoiding conflicts with neighbors, but at the same time it was sending stocks of weapons and ammunition to the region in case of military threat. The article provides a list of Nerchinsk garrison members in 1675–1677.

Keywords: warriors, Cossacks, history, Siberia, Transbaikalia, Nerchinsk, Dauria, XVII century